

Афанаськова А. А., Дегтярёва О. А. (Гомель)
Проявление политкорректности в русском языке

Хотя некоторые исследователи феномена политической корректности утверждают, что он «во всей полноте не может развиваться в России», похоже, что сейчас это явление как раз начинает оформляться, а в будущем, вероятно, станет привлекать еще большее внимание. Первые же его проявления в русском языке можно было обнаружить еще в первой половине прошлого века. Например, *доярку* тогда называли *оператором машинного доения*, а *тракториста* – *механизатором*. Налицо было желание смягчить восприятие низкостатусного социального положения большей части населения. В этом было некоторое лицемерие: признавая рабоче-крестьянское происхождение большинства советских граждан, сознательно отказывались облекать признание в слова. Вернее, обозначали существующие реалии с помощью слов, цель которых состояла в сокрытии или смягчении истинного положения дел.

Можно привести и другие примеры. Так, *учебные заведения для детей с задержкой умственного развития* могли называться *спецшколами*. В советские же времена *смертная казнь* долгое время называлась *высшей мерой социальной защиты* [1, с. 348].

Получается, что **политическая корректность** – это особый сдерживающий фактор, предотвращающий открытое выражение мыслей в обществе, способ избежать вербальной агрессии, которая может послужить толчком к различного рода конфликтам. С этой точки зрения политическая корректность – не новое явление в России и вряд ли правомерно считать, что она появилась только в 1970-е годы в Америке. Она давно существует в каждом обществе в качестве обязательного компонента каждодневного общения. Всем социальным группам свойственны определенные ценности и приоритеты, соблюдение которых позволяет мирно сосуществовать членам этих групп.

Режим политкорректности – это своего рода добровольный общественный договор. Одним из негативных последствий этого договора является распространение двусмысленной, неточной речи. Эвфемизм смягчает реакцию слушателя, усыпляет его бдительность, часто заставляет верить несуществующим фактам или делать ложные выводы. Например, если мы слышим или читаем не о *задержке зарплаты*, а об *ожидаемом смещении сроков выплаты зарплаты* (или пенсий, стипендий, пособий), мы воспринимаем этот неприятный момент как временную необходимость, хотя на самом деле, особенно в начале 1990-х годов, *смещение* могло длиться в течение нескольких месяцев.

В середине 1990-х в русском языке появились и прочно вошли в употребление такие слова и выражения как *лицо кавказской* (реже – *еврейской, азиатской*) *национальности*, *бомж*, *платные гигиенические центры* и др. Все они призваны смягчить или прикрыть негативный, неприятный смысл, таящийся в самой сути этих слов. Несколько выделяется сочетание *лицо кавказской национальности*, эта своего рода стигма для обозначения всех выходцев с Кавказа. В зависимости от контекста оно может иметь двойной смысл. Во-первых, служит инструментом идентификации несуществующего народа («кавказского» – вместо реальных азербайджанского, армянского, грузинского, абхазского и т. д.), во-вторых, является очень удобной лазейкой для тех, кто хочет кинуть камень и при этом остаться незамеченным. Как-то не очень удобно подозревать человека в совершении какого-нибудь антиобщественного действия только потому, что он грузин, ингуш, карачаевец и т. п. Зато вполне удобно назначить на роль вечно подозреваемого, некое расплывчатое, чуть ли не мистическое, *лицо кавказской* (или другой, такой же «собираательной») *национальности*.

Слово *бомж*, казавшееся таким безобидным в пору его изобретения, сейчас звучит уже более пейоративно. Все чаще оно заменяется развернутым определением *лицо без определенного места жительства* или *бездомный*. Видимо, политически корректные термины могут эволюционировать. Сначала мы говорили *бродяга*, потом стали передавать ту же суть с помощью аббревиатуры *бомж*, а теперь идем дальше, заменяя его на полную форму. В теле- и радионовостях сейчас часто можно услышать вместо *бедные* – *социально непривилегированные слои населения* или *малообеспеченные слои населения*. Возникает ситуация, схожая с той, что была в советское время. Теперь же мы прячем безобразную действительность за нережущим слух словосочетанием и так сознательно смягчаем реакцию слушателя / читателя, заставляем его относиться к самому явлению с большей терпимостью [4, с. 263].

В постсоветских странах, в отличие от США и других западных государств, исторически сложилось несколько иное языковое поведение, быть может, порой более агрессивное и резкое, но и более искреннее. В той же Америке систематическое следование требованиям политкорректности приводит к выхолащиванию, украшательству языка, появлению часто совершенно абсурдных слов, например, *feminite* вместо *menstruate*. Кроме того, в русскоязычном обществе каждый волен сам выбирать модель речевого поведения. Во всяком случае, несоблюдение критериев политической корректности не повлечет за собой ощутимых

последствий для говорящего, подорвав его репутацию или разрушив карьеру, как это могло бы произойти в США. В русском языке сочетание «политически корректный» все же имеет несколько расплывчатую смысловую нагрузку. Политически корректное слово, выражение, заявление означают у нас нечто сдержанное, вежливое и обезличенное («лицо кавказской национальности»), то, под чем практически всегда следует ожидать подтекст [4, с. 266].

Все же в России определенно существует политическая корректность, но в отличие от той же Америки здесь она не переросла в идеологию. Отечественные филологи неоднократно пытались ввести другие термины для обозначения сути этого явления. Несмотря на то, что в русскоязычной среде эти термины были бы более понятны и обозначали бы именно то, что мы понимаем под политкорректностью, они все же не смогли «прижиться», поскольку термин «политическая корректность» уже довольно прочно вошел в употребление. Таким образом, для россиян политкорректность в первую очередь означает соблюдение языкового такта.

Основными распространителями «политкорректных» слов и выражений являются СМИ. Они делают такие выражения как *простые люди* (вместо *бедные*) и *пойти на непопулярные меры* (вместо *сократить расходы на социальные нужды*) неотъемлемой частью современного русского языка.

Наряду с политической корректностью существует и неполиткорректность. Она может быть осознанной (преднамеренной) и неосознанной (непреднамеренной). Если речь идет об осознанной неполиткорректности, то по своей сути она будет представлять собой то, что принято понимать под хамством, цель которого – оскорбить, унижить, задеть, обвинить в совершении какого-либо проступка или преступления. Например, сразу же после террористических актов в России большинство российских газет немедленно обвинили в содеянном даже не лиц кавказской национальности, а чеченцев. Так с легкостью было легко выдвинуто обвинение в адрес целого народа. Еще один пример. В час пик в транспорте в адрес лиц азиатской национальности можно услышать: «Понаехали тут из степи!». Подобное замечание вряд ли было бы оставлено без внимания, прозвучи оно где-нибудь США. Осознанное употребление неполиткорректных слов и выражений очень похоже на использование в речи дисфемизмов. **Дисфемизм** представляет собой «замену эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным». В качестве примеров можно привести следующее: *сыграть в ящик* вместо *умереть*, *осточертеть* вместо *надоесть* и т. д. Осознанное употребление

неполиткорректных слов и выражений часто ставит своей целью стилистически окрасить сказанное, сделать его более ярким [3, с. 39].

Вообще говорящий / пишущий должен четко осознавать, к какой аудитории он обращается, что и как при этом говорит и какую ответную реакцию хочет получить. Часто некоторые темы вообще закрыты для обсуждения, как бы табуированы. Они могут быть затронуты только в отсутствие «чужих», исключительно среди «своих». Об этом следует обязательно помнить, дабы избежать неосознанного неполиткорректного высказывания или поведения [2, с. 67–71].

Возможно, политкорректность никогда не станет в России такой всеохватывающей идеологией, как на Западе, но появление все большего количества политкорректных слов и выражений отрицать невозможно. Отличие от Запада в том, что в России никто не может запретить называть вещи своими именами, кроме того, СМИ не находятся под таким жестким контролем общественного мнения, как в США: нет специальных инструкций для дикторов, предписывающих использование тех, а не иных слов и выражений, в то время как практически во всех крупных западных информационных агентствах специальные руководства такого рода обязывают сотрудников теле- и радиостанций избегать использования определенных слов и выражений, которые могут вызвать чье-либо недовольство.

1. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Высш. шк., 1958. – 348 с.
2. Иванова О. Ф. Политкорректность в России // Вестн. Евразии. – 2002. – № 3(18). – С. 62–72.
3. Кацев, А. М. О социолингвистическом подходе к проблеме эвфемизмов // Проблемы интерпретации текста: сб. науч. работ ЛГПИ. – 1975. – С. 37–52.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – С. 263–266.